

ПЕЧАЛЬ И БЛЕСК
МИНУВШИХ ЛЕТ

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В МУРАНОВЕ

О судьбе «Записок» Л.Н. Энгельгардта

Светлана Долгополова, Инна Королева

В 1826 году старшая дочь Льва Николаевича Энгельгардта Анастасия вышла замуж за поэта Евгения Абрамовича Боратынского. И именно в этот знаменательный для семьи год 60-летний генерал-майор в отставке, уже пять лет как овдовевший, начал диктовать свои воспоминания. Однако никаких свидетельств зятя-поэта о литературных трудах тестя-мемуариста не сохранилось. Судьбу «Записок» Л.Н. Энгельгардта, исчезнувших после его смерти, определил другой его зять — литератор Николай Васильевич Путьята, давний друг Е.А. Боратынского. В 1837 году он женился на Софье Энгельгардт, жившей после кончины отца в семье старшей сестры.

Путьята рассказал историю обретения затерявшейся рукописи в своем кратком предисловии к ее первой публикации. Обратимся к его свидетельству: «Автор этих Записок, отставной генерал-майор Лев Николаевич Энгельгардт, при жизни своей читал их семейству своему и некоторым коротким приятелям. Он скончался 4-го ноября 1836 г. в Москве. В первое время после его смерти не хватились его Записок, и они потом каким-то образом затерялись. Можно было полагать, что Записки Льва Николаевича оставались в имении его, сельце Муранове, Московской губернии, в Дмитровском уезде, где он обыкновенно проводил часть года. Там, вероятно, убрали их с кипами разных ненужных бумаг и газет, а как в последствии и старый дом, в котором он жил, был сломан, то, казалось, исчезли и последние их следы».

Старый дом Энгельгардта был разобран Боратынским в 1841—1842 гг, и на его месте или же рядом был построен новый. Возможно также, что от старого дома осталась часть, которая в новом доме оказалась деревянной пристройкой. Осенью 1843 года, перезимовав в Муранове, Боратынские уехали в Петербург. Оттуда они сухим путем отправились в продолжительное путешествие по Европе, во время которого Евгений Абрамович скоропостижно скончался в Неаполе 29 июня 1844 года.

В следующем году Анастасия Львовна посетила Мураново в сопровождении Путьяты. Она не захотела здесь оставаться, и на несколько лет усадебный дом опустел.

В 1849 году, через год после смерти душевнобольного брата Петра Энгельгардта, которому принадлежало Мураново, Анастасия Боратынская и Софья Путьята были утверждены в правах наследства, а в 1850 году, по разделу имущества между ними, имение отошло к младшей из сестер. Вскоре семья Путьят переехала из Петербурга в Москву. Здесь у Николая Васильевича, покинувшего древнюю столицу более тридцати лет назад, стали во-

зобновляться старые и складываться новые дружеские связи. В круг его друзей и знакомых вошли литераторы, библиофилы и любители старины. Среди них были лица, хорошо знавшие Л.Н. Энгельгардта. Об одном из них, Александре Яковлевиче Булгакове, как оказалось, первом слушателе записей Льва Николаевича, Путьята упоминает в своем предисловии.

Булгаков, долгие годы бывший московским почт-директором, при жизни своей напечатал ряд небольших литературно-критических работ. Несколько десятилетий он вел дневник, считая, что каждый человек — свидетель истории. Он был, по его собственным словам, «большой охотник до рассказов стариков». В его дневниковых записях конца 1856 года большой фрагмент посвящен воспоминаниям о встречах с Л.Н. Энгельгардтом в августе 1826 года. «Кстати о записках. <...> Покойный Лев Николаевич Энгельгардт (дочь его Софья замужем за Путьятою), которого отец был очень дружен с моим отцом, <живя> в Москве во время коронации Императора Николая Павловича, очень часто меня навещал, рассказывал мне о старине, и ему было, что рассказать, потому что служил адъютантом князя Г. А. Потемкина и долго находился под его начальством. Случилось мне сказать ему один раз: «Как жаль Л<ев> Н<иколаевич>, что вы не занялись составлением записок ваших, нельзя же сохранить все в памяти в хронологическом порядке, и мало ли что и забыли вы. Может быть?» — «Нет, любезнейший Алек<сандр> Яковл<евич>, несмотря на недосуги, рассеянность и молодость мою, я записывал тщательно все, что видел и слышал». Обрадовавшись ответу этому, я просил убедительно Льва Николаевича сообщить мне досуги его молодости. «Почему нет, — отвечал мне Л<ев> Н<иколаевич>, — очень охотно. Записки свои, — прибавил он, — не давал я никому, и никто не знает даже об их существовании; вот что мы сделаем, — продолжал Л<ев> Н<иколаевич>, — вы теперь нездоровы, вам велят сидеть дома, я буду являться к вам всякое утро и буду вам читать несколько глав записок моих, и буду приезжать нарочно пораньше, чтобы мы были одни и никто бы нам не мешал [ ] Все было исполнено сходственно условию этому. Л<ев> Н<иколаевич> был еще исправнее в визитах своих, нежели доктор мой Филипп Иванович Пфеллер. Он являлся ко мне на условленное чтение с тем же усердием, как некогда являлся к князю Потемкину на службу. Мы завтракали вместе, и потом начиналось чтение, продолжавшееся почти ежедневно до самого отъезда Льва Н<иколаевича> из Москвы. Мы могли, к сожалению моему, дойти только до восшествия на престол Императора Павла Петро-

вича, но самая любопытная эпоха, то есть царствование Императрицы Екатерины II и всемогущее Управление Ее визиря князя Потемкина, была прочтена, и я часто останавливал любезного моего читателя <так вм. чтеца>, чтобы требовать от него разные объяснения, запросы и мельчайшие подробности, на что снисходил он всегда со свойственною ему любезностию. Я после того Льва Николаевича уже не видал. Он скончался в 1836 году, 4 ноября».

Дальнейшие булгаковские строки совпадают с путятговскими: «Не один раз случалось мне расспрашивать у Ник<олая> Васил<ьевича> Путятю, куда девались записки тестя его; ответ его был всегда тот же: «Знаю я, что остались записки после Льва Николаевича, но все мои старания для отыскания оных были до сего дня тщетны». Изъявляя мое о том сожаление, я ободрил его не унывать в розысках. Старания его увенчались, наконец, успехом <...>».

Вот как пишет об обретении манускрипта Путятя: «Осенью 1858 г., я находился в помянутом сельце Муранове <...> Наконец один из мурановских дворовых старожилов, по расспросам моим, указал мне в амбаре, возле конюшни, большой сундук, наполненный разным хламом; тут-то, между грудами полуистлевших бумаг с домашними счетами и ведомостями, открыл я тетрадки Записок Л.Н. Энгельгардта, вложенные в толстой рукописи, переведенной им книги: *Le Triomphe de l'Evangile*. Я с жадностью бросился на записки и, белго прочитав их, привез сюда». Обрадованный драгоценной находкой, Путятя отправился с рукописью в Москву и тотчас же познакомил с нею нескольких знатоков русской истории. В предисловии он писал: «Здесь я предложил чтение их небольшому кружку людей, способных быть верными ценителями моей находки». Их имена названы в записке Путятю к С.А. Соболевскому от 31 октября 1858 года: «Нельзя ли будет, любезный Сергей Александрович, отобедать у нас в понедельник, 3-его ноября, в 4 1/2 часа: Лонгинов, П. Долгоруков и Полторацкий будут у меня в этот день. Мы намереваемся просмотреть вместе записки Л.Н. Энгельгардта. Пожалуйста, присоединитесь к нам, много одолжите».

Собравшиеся оказались единодушны в оценке исторической значимости рукописи, и Путятя счел необходимым упомянуть об этом в своем предисловии: «Простота, ясность и чистосердечие рассказа, занимательные подробности о старине, историческое значение некоторых событий, коих автор был свидетелем, и вообще какой-то характер правдивости возбудили самый живой интерес к этим Запискам во всех, ознакомившихся с ними в рукописи. Убедясь в этом, я решился напечатать их, не касаясь почти их слога. Известный своими критическими и библиографическими статьями М.Н. Лонгинов, по благосклонности своей и по страсти к письменным памятникам прошлых времен, обогатил Записки Л.Н. Энгельгардта большим числом примечаний, касающихся до лиц и происшествий, упоминаемых в них, и до хронологии событий».

Булгаков упоминает в своем дневнике еще об одном чтении, состоявшемся после 13 ноября 1858 года (эта дата встречается в предшествующем тексте дневника): «Я был сегодня приглашен на ве-

чер к Николаю Васильевичу Путятю, у которого происходило чтение, весьма любопытное. <...> Путятя пригласил некоторых приятелей своих на вечер и подарил нас чтением любопытных записок своего тестя. Тут были: Вас<илий> Дм <так вм. Денисович> Давыдов, Сер<гей> Александр<ович> Соболевский, Сер<гей> Дм<итриевич> Полторацкий, Влад<имир> Петр<ович> Горчаков и Мих<аил> Николаевич Лонгинов, который обогатил и пополнил записки разными необходимыми замечаниями. Предположено записки эти издать, жаль только, что многое нельзя будет цензуре пропустить».

Предисловие Путятю датировано 26 ноября 1858 года. Публикация «Записок» Л.Н. Энгельгардта началась в январских книжках журнала «Русский Вестник» за 1859 год с большими цензурными сокращениями. Потом они продолжали печататься в февральской, июльской и декабрьских книжках. Появление первых частей «Записок» сразу же привлекло к себе внимание читателей. Свидетельства об этом можно найти в переписке дочерей поэта Ф.И. Тютчева. 25 февраля 1859 года Екатерина Федоровна писала из Москвы в Петербург Дарье Федоровне: «Читала ли ты в Русском Вестнике воспоминания Л.Н. Энгельгардта. Это интересно как живое описание минувшего». Уже 7 марта Дарья Федоровна, фрейлина императрицы Марии Александровны сообщила ей: «По вечерам император читает мемуары Энгельгардта».

20 января 1860 года вышло цензурное разрешение на издание небольшого числа отдельных оттисков «Записок», сразу же ставших библиографической редкостью. Некоторые из них приобрели особую ценность благодаря тому, что Путятя и Лонгинов сделали в них рукописные вставки цензурных пропусков. Один из этих раритетов хранится в Мурановской библиотеке. Известно, что такие экземпляры в свое время получили С.Д. Полторацкий, С.А. Соболевский, П.И. Баргнев и, возможно, А.Я. Булгаков, М.Н. Катков и Н.В. Сушков. В мурановском экземпляре после титульного листа помещена вставка с надписью рукой Путятю: «Все места записок не дозволенные цензурою, а также пропущенные или несколько измененные издателем по разным соображениям, вписаны в этот экземпляр на особых вклеенных листах так, что текст подлинника совершенно восстановлен». Следующая вставка вписана им после предисловия: «Подробные замечания к этим запискам двух родов: обозначенные буквами сделаны самим автором, а обозначенные цифрами сделаны М.Н. Лонгиновым». В книге 44 вставки: от одного слова до весьма обширных фрагментов. В конце книги вклеены 8 сплошь исписанных страниц на русском и французском языках.

Находились любители старины, которые сами копировали и распространяли не пропущенные цензурой отрывки. В скором времени рукописные вставки оказались у А.И. Герцена в Лондоне. Уже 22 июля 1860 года он писал: «Мы имеем перед собой выпущенные места из записок Энгельгардта...».

В следующем 1861 году пять политически острых отрывков были напечатаны Герценом в «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне». В них идет речь о фаворитах при дворе императрицы Екатерины II, о польской консти-

туции, об апоплексическом ударе императора Павла I, об императоре Александре I и Аракчееве, о семеновской истории.

В России к «Запискам» Л.Н. Энгельгардта вновь обратились в 1867 году. П.И. Бартенев с разрешения Пуляты опубликовал их в приложении к своему журналу «Русский Архив». Извещения об их выходе помещались на протяжении всего 1868 года во всех номерах журнала. Они встречаются также в отдельных номерах 1869 года. Авторский текст и на этот раз был издан не полностью: некоторые места так и не смогли пройти цензуру. И опять Пулята и Лонгинов вносили в печатные экземпляры рукописные дополнения.

В 1868 году Бартенев издал 10 экземпляров, один из которых хранится в Мурановской библиотеке. На внутренней стороне владельческого переплета рукой Н.И. Тютчева, внука поэта, написано: «Один из десяти экземпляров, на хорошей бумаге и с портретом автора. Экземпляр принадлежал М.Н. Лонгинову. В книге имеются собственноручно вписанные Лонгиновым не пропущенные цензурой места «Записок». Лонгинов сделал на полях книги 12 вставок, в том числе весьма пространных.

Потомки Л.Н. Энгельгардта обращались к его мемуарам и спустя много лет после их публикации. В 1882 году С.Л. Пулята писала своей дочери О.Н. Тютчевой в Мураново: «Постарайтесь отыскать Записки моего отца для Лёвущки». Следует отметить, что экземпляры «Записок» передавались в семье из поколения в поколение. Так, на титульном листе издания 1860 года, со вставками Н.В. Пуляты, стоят инициалы его дочери: «О.Т.». Сохранился экземпляр 1867 года с владельческой надписью.

На протяжении 130 лет читатели могли пользоваться только перечисленными публикациями 1859, 1860, 1867 и 1868 годов. В 1988 году «Записки» Л.Н. Энгельгардта в сокращенном варианте вошли в сборник «Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII в.». В 1997 году издательство «Новое литературное обозрение» осуществило наконец полную публикацию «Записок», подготовленную И.И. Федюкиным.

Беловая рукопись воспоминаний Л.Н. Энгельгардта представляет собою 15 тетрадей и хранится ныне в РГАЛИ. Она была передана туда из Мурановского музея в 1942 году в связи с Постановлением правительства о централизации писательских архивных фондов. Там же находятся несколько черновых записей Льва Николаевича, сделанных им в течение жизни. Вероятно, некоторые из них и были прочитаны Булгакову. Очевидно, что эти записи послужили основой для создания единого текста, к работе над которым автор приступил в 1826 году.

В Мурановском музее хранится несколько документов, связанных со служебной деятельностью Л.Н. Энгельгардта, некоторые из которых могут служить комментариями к отдельным эпизодам и реалиям, встречающимся в тексте «Записок».

Сражение при Мачине

Во время русско-турецкой войны в сражении при Мачине 28 июня 1791 года Л.Н. Энгельгардт предложил напасть на неприятеля, организовал и

осуществил атаку, в которую увлек резервы своего полка. Вот как он пишет о возможности награждения за свой подвиг: «Все знакомые мои меня поздравляли, что мне удалось в виду всей армии показать готовность к службе, и уверены, что как я первый, так сказать, способствовал к одержанию победы, то и буду отлично награжден. По обыкновению, все ходили в канцелярию кн. Репнина <...>; я никогда не любил таскаться по канцеляриям и искать покровительства от управляющих оными, <...> а просить о себе почитал низостью».

За участие в сражении при Мачине Л.Н. Энгельгардт получил Аттестат, подписанный 1 июля 1791 года генерал-поручиком князем Г.С. Волконским, и Одобрительный лист, подписанный 22 марта 1792 года генерал-аншефом князем Н.В. Репниным. Многие получили более существенные награды. После окончания войны встреча сына с отцом началась с недоразумения: «Отец мой меня встретил некоторо для меня прискорбным выговором: «Хорошо ты пишешь реляции (ибо я ему писал о происшедшем со мной в мачинской баталии). Но в реляции, припечатанной в газетах, того нет; каждый, кто отличился, всякий именован, но ты с прочими помещен в списке, что был примером храбрости и мужества; рекомендованные награждены орденами, золотыми шпагами с надписью: «за храбрость», а тебе с прочими назначен одобрительный лист за подписанием князя Н.В. Репнина». Больно мне было услышать таковой выговор и несправедливость, от начальства мне оказанную; но к счастью моему, князь Г.С. Волконский при отъезде моем в отпуск, как он был корпусный мой командир, дал мне аттестат, с прописанием всего, до меня касающего во время мачинской баталии. Показав оный отцу моему, я достаточно его удостоверил, что писал я нележно и не был самохвал».

Приводим упомянутый в тексте документ, выданный Л.Н. Энгельгардту в Мачине (здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация подлинников):

Аттестат

«Что господин премьер-майор Святоникаевского гранадерского полку Лев Энгельгард во время главного действия 28-го июня сего году противу всей неприятельской армии под предводительством верховного визиря Юсуфа Задунем при Мачине в средней части войск под моим начальством находившихся был действительно в сражении, командовал резервными вперед посланными в гору атаковать неприятеля, коего и поражал с оными мужественно, и что потом был с оными же резерфными откомандирован для доставления полевой артиллерии в каре святоникаевское по причине гор и усилявавшего неприятеля не возможшей за им следовать, и оное все исполнял не утрашимо и рачительно, я в том ему господину премьер-майору даю сие мое свидетельство за подписанием моей руки и приложением герба моего печати, июля «1» дня 1791 года, в стане за Дунаем при местечке Мачине.

Ея Императорскаго Величества Всемилощивейшей Государыни моей от армии генерал-поручик и орденов Свго Александра Невскаго Свго вели-

Ея Императорского Величества повелению дан ему сей одобрительный Лист, как в засвидетельствование его похвального подвига, так и в ознаменование всемилостивейшаго к нему Монаршаго благоволения. Дан в Санктпетербурге Марта. 22-го дня 1792-го года

Ея Императорского Величества Всемилошвейшей Государыни моей от армии Генерал Аншеф, Ея Величества Генерал адъютант, полков: Лейб-гвардии Измайловского подполковник, Таврического Гранодерского шеф, орденов российских Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, военного Св. Георгия и Св. Равноапостальнаго Князя Владимира первых степеней, Польскаго белаго орла и Голстинскаго Св. Анны Кавалер».

Подпись: «Князь Репнин».

Сражение при Слониме

С Козловским мушкатерским полком Энгельгардт участвовал в польской кампании 1793—1794 годов. В «Записках» описаны военные действия при Слониме на реке Щара: «Мне приказано было построить портативный мост; Щара была тут шириной сажень 14, глубиной аршин около 3-х, а в некоторых местах и глубже. Через два дня мост был готов, положен на воловые фуры <...> мост был поставлен; я первый с двумя гренадерскими ротами и двумя орудиями по оному переправился, а за мной и весь отряд <...>». Об этом свидетельствует и сохранившийся в Мурановском архиве документ:

Аттестат

«Козловскаго мушкатерскаго полку Господин премьер майор Энгельгардт, присланной ко мне в корпус от Господина Генерала Аншефа и разных орденов кавалера Графа Ивана Петровича Салтыкова, для употребления его на службу до соединения с корпусом Генерал майора кавалера Денисова или пока откроется между корпусами свободной коммуникации употребляем был, за обер-квартирмейстера и другие инья препоручения, исправляя со всевозможным рачением: находился в сражениях, при Дубенке, Хелме и Слониме; оказав усердие и мужество, о чем мною донесено главному начальству: при Слониме же, по моему повелению построил портативный мост, поставленной им под пушечными не приятельскими выстрелами, перепра-

вился чрез оной, с двумя ротами и одним орудием, опрокинул мятежников, защищавших переправу; в след ему и весь корпус мне вверенной чрез мост перешел. В знак его ревностной службы и отличных <деяний>; Свидетельствую приложением руки и Герба моего печати. Дан в лагере при местечке Слониме, августа 2-го дня 1794-го года.

Ея Императорского Величества Всемилошвейшей Государыни моей от армии Генерал поручик и орденов С-го Невского С-го великомученика и Победоносца Георгия <...>».

Подпись: «Князь Загряжский». (Сохранилась красная сургучная печать с родовым гербом Загряжских.)

* * *

В 1795 году Энгельгардт был назначен командиром Оренбургского полевого батальона, входившего в Оренбургский корпус. Он провел эту зиму в Уфе, часто бывая в родительском доме будущего писателя С.Т. Аксакова. Маленький Сережа с любопытством слушал «его громозвучные военные рассказы». В книге «Детские годы Багрова-внука» Сергей Тимофеевич вспоминал: «Из военных гостей я больше всех любил сначала Льва Николаевича Энгельгардта: по своему росту и дородству он казался богатырем между другими и к тому же был хорош собою. Он очень любил меня, и я часто сживал у него на коленах, с любопытством слушающая его громозвучные военные рассказы и с благоговением посматривая на два креста, висевшие у него на груди, особенно на золотой крестик с округленными концами и с надписью: «Очаков взят 1788 года 6-го декабря». Я сказал, что любил его сначала; это потому, что впоследствии я его боялся, — он напугал меня, сказав однажды:

— Хочешь, Сережа, в военную службу?

Я отвечал:

— Не хочу.

— Как тебе не стыдно, — продолжал он, — ты дворянин и непременно должен служить со шпагой, а не с пером».

Но сам Лев Николаевич Энгельгардт послужил Отечеству и шпагой и пером — благодаря своим «Запискам», он стал одним из известных военных мемуаристов XIX века.

Авторы благодарят С.В. Шумихина, сотрудника РГАЛИ, за помощь при работе над дневником А.Я. Булгакова.